

вокруг городской ратуши, громко требуя: «Хлеба!»¹ Эти сборища становились угрожающими и потребовалась вся популярность и добродушие Шометта, любимого оратора парижской бедноты, чтобы успокоить сборища обещаниями. Шометт обещал, что добудет хлеба и добьется ареста администраторов народного продовольствия. Движение, таким образом, ни к чему не привело, и на следующий день народ ограничился тем, что послал своих депутатов в Конвент.

Конвент же не захотел и не успел ничего предпринять, чтобы ответить на истинные причины этого движения. Он сумел только пригрозить контрреволюционерам, провозгласив террор, и усилить власть центрального правительства. Ни Конвент, ни Комитет общественного спасения, ни даже Коммуна, уже угрожаемая, впрочем, Комитетом, не оказались на высоте положения. Никого не нашлось, чтобы выразить носившиеся в народе идеи равенства с той же силой, смелостью и точностью, с какой Дантон, Робеспьер, или даже Барер выражали идеи революции в ее предшествовавшие фазисы. Верх взяли люди «правительственные», т. е. посредственности буржуазии, более или менее демократической.

Дело в том, что старый порядок обладал еще громадной силой, причем он еще усилился всей поддержкой, которую встретил среди тех самых, кого облагодетельствовала революция. Чтобы сломить эту силу, нужна была бы новая революция, народная, во имя идеалов равенства, а большинство революционеров 1789–1792 гг. вовсе ее не хотело.

Большинство буржуазии, выступавшей в эти годы, 1789–1792, как революционеры, находило теперь, что революция «зашла слишком далеко». Сумеет ли она остановить «анархистов» и помешать им «уравнять состояния»? Не даст ли она крестьянам слишком большое благосостояние, так что они откажутся работать на тех, кто покупал национальные имущества. Где же найти тогда рабочих, чтобы обрабатывать эти земли? Ведь если покупатели имущества внесли миллиарды в государственное казначейство, они делали это не из патриотизма, а чтобы наживаться на купленных имениях. Но что же станут они делать, если в деревнях не окажется более безработных пролетариев? Этого они не могли допустить.

Таким образом, партия двора и дворянства имела за себя целый класс покупателей конфискованных земель - «черных банд», как тогда называли скупщиков этих земель. За нее стояли также целые стаи спекуляторов: военных интендантов, быстро наживавших состояния, биржевиков, спекулировавших на курсе ассигнаций, и т. д. Все они нажились во время революции, и все они торопились теперь насладиться плодами наживы. Все они стремились поэтому как можно скорее положить конец революции и вернуться под охрану стойкой власти под одним только условием: чтобы контрреволюция не отняла у них скупленных ими имений и награбленных состояний. А за ними стояла в деревнях, поддерживая их, целая масса мелких буржуа, недавно вышедших из крестьян. И весь этот мирок интересовался одним: создать прочное правительство, все равно какое, лишь бы оно было *сильное* и могло сдерживать, с одной стороны, санкюлотов, а с другой стороны, отразить нашествие Англии, Австрии, Пруссии, обещавших вернуть духовенству и дворянам-эмигрантам отнятые у них имения.

Вот почему, отвечая их желанию. Конвент и Комитет общественного спасения, как только они почувствовали опасность со стороны секций и Коммуны, сейчас же воспользовались отсутствием цельности в движении 4–5 сентября, чтобы усилить центральное правительство и раздавить секции - очаги народного недовольства.

Конвент решил, правда, положить конец открытой торговле ассигнациями: он запретил такую торговлю под страхом смерти. Он создал также «революционную армию» в 6 тыс. человек под начальством эбертиста Ронсена для умирения и устрашения контрреволюционеров и для того, чтобы собирать при помощи реквизиции по деревням - в барских имениях и на фермах - жизненные припасы для прокормления Парижа. Но эта мера не сопровождалась никакой другой мерой, которая имела бы целью передать земли в руки бедных крестьян, стремившихся самим работать на земле, и *снабдить их средствами*, чтобы они могли начать обрабатывать землю и таким образом увеличить посевы и усилить производство хлебов. А потому реквизиции революционной армии стали только новым источником ненависти деревень против Парижа. Они даже увеличили затруднения в заготовлении припасов.

В одном Конвент проявил энергию: это в угрозах усиленного террора и в еще большем усилении

¹ Весьма возможно, даже вероятно, что роялисты (как Лепитр) тоже работали в секциях, чтобы подготовить это движение среди голодного народа. Такой тактики всегда держались реакционеры. Но утверждать, что движение 4–5 сентября было делом реакционеров, было бы так же нелепо и иезуитично, как, например, утверждать, что восстания 1789 г. были делом герцога Орлеанского.